

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДУХОВНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРИЧИН РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В РОССИИ (ПО РАБОТАМ МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА (ФЕДЧЕНКОВА) И П. А. СОРОКИНА)

Аннотация. Статья посвящена социологическому осмыслению духовных и социальных причин революции 1917 г. в России в свете анализа трудов современников и участников трагических событий: одного из виднейших русских иерархов митрополита Вениамина (Федченкова) и отечественного социолога П. А. Сорокина. Автор приходит к выводу, что причины революции духовного и социального порядка тесно взаимосвязаны, и социальные причины, в свою очередь, выступают следствием причин духовных.

Ключевые слова: революция 1917 г.; духовные причины революции; социальные причины революции; митрополит Вениамин (Федченков); П. А. Сорокин.

Сведения об авторе: Барановский Максим Витальевич, кандидат социологических наук, Военный университет; старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра (социологического) Вооруженных сил Российской Федерации.

Контактная информация: 123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14; тел. 8(916)772-98-70; e-mail: m.baranovskj@gmail.com.

События, произошедшие в России 100 лет назад, до сих пор не получили однозначной оценки как в научном сообществе, так и в общественном мнении. Причины, которые повлекли за собой столь радикальные мировоззренческие и общественно-политические изменения, остаются предметом разнообразных исторических, социально-гуманитарных и междисциплинарных исследований.

Особым аспектом формирования объективного представления о трагических событиях Русской революции 1917 г. является исследование позиции Русской Православной церкви и ее оценки духовных причин произошедшего.

Актуальность нашего исследования обусловлена:

- возросшим интересом к данной проблематике, вызванным, в том числе, вниманием государства и общественности к 100-летию революционных событий;
- недостатком научных трудов по комплексному научному анализу и сопоставлению духовных и социальных причин Русской революции 1917 г.;
- необходимостью проведения аналогий с современным духовным состоянием российского общества в целях недопущения повторения в стране подобных социальных катастроф.

Данная работа не является историческим или историографическим исследованием и ставит перед собой цель социологического осмысления духовных и социальных причин феномена революции.

В отличие от истории, социология имеет дело не столько с фактами, сколько с социальными отношениями, с системой социальных связей, с социальной действительностью, т.е. с предметом более устойчивым, но менее очевидным, чем исторический факт (Макарец 2016: 26).

Целесообразно отметить, что понятия «Русская революция 1917 г.» и «революция 1917 г. в России» в исследовании рассматриваются как тождественные и условно обозначают события, произошедшие в России в 1917 г., начиная со свержения монархии во время Февральской революции, когда власть перешла к Временному правительству, которое, в свою очередь, было свергнуто в результате Октябрьской революции большевиков, провозгласивших советскую власть.

Для выявления и анализа духовных и социальных причин революции 1917 г. в данной статье мы обратимся лишь к двум историческим персоналиям, которые являются свидетелями и в некоторых случаях даже непосредственными участниками описываемых в их работах событий.

Проанализировать духовные причины революции помогут труды одного из виднейших иерархов Русской Православной церкви митрополита Вениамина (Федченкова) (1880–1961 гг.).

Что касается причин социальных, то вряд ли кто-то из отечественных социологов изложил эту проблему более подробно, чем Питирим Александрович Сорокин (1889–1968 гг.).

Владыка Вениамин очень четко разделял события февраля и октября 1917 г. Для него ключевыми оказались как раз события февраля: рушился привычный строй жизни, приверженцем которого он был.

Важно, что владыка Вениамин не говорит о Февральской революции как о бескровной. Она для него связана как раз с первой кровью, пролитой в братоубийственной войне, – с убийством тверского губернатора фон Бюнтинга. Что особенно важно, владыка пишет о своем чувстве вины. *«Мы заслужили скорби, которые потом обрушились и на нас!»* – говорит он. Практически на его глазах, в непосредственной близости от него произошло бессмысленное, безумное убийство человека, который проявил верность своему долгу – не только государственному, но и христианскому: губернатор исповедовался по телефону викарному архиерею, другой возможности у него не было. Именно с этого момента для владыки Вениамина начинается новая эпоха, переворот. И октябрь уже – просто важный эпизод (Щукин 2017).

В 1943 г. он написал книгу «На рубеже двух эпох», в которой можно найти описание как духовных, так и социальных причин революции 1917 г.

Представляется весьма интересным, что митрополит Вениамин анализирует настроения русского народа в преддверии событий февраля 1917 г. по тем пословицам, которые использовали люди в общении друг с другом: *«О земле ходила пословица, что она ничья. Божия, а не частных собственников. Слышались жалобы, что земли мало, “куренка выпустить некуда”. И другие пословицы говорили о нарастании в народном сознании мысли о тяжелой жизни бедняков и несправедливости, засилии сильных и богатых: “С сильным не борись, с богатым не судись”, “Бог правду видит, да не скоро скажет”, “Судился волк с кобылой, остался хвост да грива”, потому лучше уж “тише воды, ниже травы”. Но была еще вера в правду царскую: “За Богом молитва, за царем служба не пропадет”, но уже отличался он от исполнителей: “Жалует царь, да не жалует псарь”»* (Федченков 1943).

«Однако все подобное было будто бы лишь на поверхности, а в массе души народной по-прежнему жили примиренность, терпение и покорность. Бродившие идеи недовольства были еще в сонном состоянии, их боялись сами говорившие: а вдруг да начальство прознает? И покатишься “куда Макар телят не загоняет”. Лучше уж помалкивать; известно, что “хорошая речь серебро, а молчание золото”. Конечно, народ думал больше, чем говорил» (Федченков 1943).

Вспоминая свои семинарские годы владыка Вениамин приводит характерную для того времени литературу из «библиотеки революционера»: *«Бывало, я читал Толстого, пряча книгу под парту или в чайном столовом ящике. Мне ужасно скучными казались толстовские рассуждения о войне, о значении вождей и масс, о причинах неудачи Наполеона и прочее. Но в остальном книга понравилась, особенно Кутузов»*.

За Толстым, постепенно все углубляясь в революционный дух, пошли писатели-народники, показавшиеся мне мелкими; потом уж, конечно, Белинский, Писарев, Добролюбов (Чернышевского “Что делать?” так и не удалось прочитать!), “Биология” Тимирязева. Какие-то сборники политико-экономических статей из толстых журналов: “Русское богатство”, “Русская мысль”, конечно, Горький, Андреев и другие и, наконец, аттестат на политическую зрелость – “История цивилизации” Бокля показалась мне написанной интересно. Ну, разумеется, “Происхождение видов” Дарвина...».

«До Маркса и Энгельса я не успел дойти, но фотографии их у товарища смотрел без особого волнения».

Что же оказалось?

Постепенно, после двухлетней обработки меня добровольцами, мне доверчивые воспитатели торжественно объявили: “У нас есть подпольная библиотека!”» (Федченков 1943).

Разумеется, наиболее детальное рассмотрение духовных причин революции осуществляется владыкой в свете положения Русской Православной церкви в обществе и государстве: *«Еще два-три слова о Церкви. Положение ее было весьма ложное. По сущности своей Христианская церковь скорее антиреволюционная. А положение духовенства среди народа с одной стороны, а властей и господ с другой заставляло ее быть более сдержанной. Кроме того, мы (особенно епископы, городское духовенство, а отчасти и все вообще) все же были не бедняками, а буржуазным классом. Да если бы кто думал и иначе, он, чисто по пасторской педагогике, обязан был быть благоразумным: легко разжечь недобрые инстинкты в человеке, а как трудно потом их утишить! Даже самая чистая правда – истина – может оказаться иногда провокационным средством. Дьявол большею частью провокатор, клеветник, оболъститель. Например, скажи об истине “неправедной мамоны” (богатства. – Лк. 16), вызовешь ненависть сильных, еще больше обозлишь»*

убогих. По всем этим мотивам, не так уж плохим, наша Церковь вместе с народом больше молчала.

А если что и делала, то все же утешала народ, как могла, давала ему духовную силу терпения, многие священники были очень близки к народной душе, этого народ даже в страшные часы грозы не забыл... Пострадали многие, но большинство осталось, и потом сам народ даже защищал их от насилий» (Федченков 1943).

Митрополит Вениамин весьма критично и даже самокритично оценивает духовное состояние священников и иерархов церкви, видя в этом одну из важнейших причин того, что Церковь не смогла предотвратить трагедию 1917 г.: *«Но зато должен сознаться, что влияние Церкви на народные массы все слабело и слабело, авторитет духовенства падал. Причин много. Одна из них в нас самих: мы перестали быть “соленой солью” и поэтому не могли осолить и других. А привычки к прежним принципам послушания, подчинения еще более делали наше духовенство элементом малоактивным. И поэтому, можно сказать, духовенство тоже стояло на пороге пересмотра, испытаний... И, увы, это было нам не нужно!»* (Федченков 1943).

Описывая те общественные движения, которые создавались в противовес революционным, владыка также отмечал их бездуховность и следование целям собственной выгоды, а не заботы о русском православном народе.

Рассуждения митрополита Вениамина подтверждают гипотезу, что социальное поведение общественных масс является конкретным выражением духовного состояния каждой личности данного социума: *«Тут встает важный и спорный давний вопрос: кто ведет историю, выдающиеся личности или массы? Никто не будет отрицать огромного значения вождей и гениев, но позволяю себе думать, что еще большее значение принадлежит все же массам: они почва и фундамент для творческой деятельности отдельных личностей. Без этой массовой психологии и подготовки и самый гениальный человек не в силах осуществить свои идеи в полной мере. А если это так, тогда есть место в истории и нам, маленьким щепкам: все мы в разной, конечно, степени создаем силу масс. Пример тому в этих двух моментах одной, в сущности, революции – 1905 и 1917 годов. То, что невозможно было сделать в первую, осуществилось потом во второй, в первой почва в массах была еще не готова. А когда она созреет, тогда вожди организуют ее и дают еще более сильный толчок к дальнейшему развитию движения масс»* (Федченков 1943).

Также из размышлений владыки следует неоспоримый факт, что социальные потрясения начала XX в. являются частью Божьего Промысла о нашей стране: *«Однажды летом после будничной вечерни вместе с самим отцом Николаем вышел из храма за ограду. Перед нами раскрывалась полукругом панорама на десяток верст. Вечер был прекрасный, тихий, ясный. И видим мы, как в разных местах за горизонтом поднимаются зловеющие темно-багровые столбы дыма от пожарниц: это горели именная. Остановились мы на взгорье у храма молча. Смутно было на душе, надвигалось с этим страшным дымом на нашу страну что-то грозное... Я не знал, что ответить себе на свои невеселые думы. И вдруг пронеслись в голове слова Христовы: “Надлежит всему этому быть”!*

Надлежит... Неизбежно в путях истории человечества и Промысла Божия. И никто этого мирового процесса остановить не в силах, ибо “надлежит”. А если ранее предсказано “надлежит”, то и не нужно чрезмерно удивляться и страшиться. И стало спокойно на душе, сейчас же затем пришли другие мысли, как бы произнесенные кем-то в сердце и уме: “И что ты особенно этим терзаешься? Разве же ты управляешь миром? Есть Бог, Который всем правит, на Него и положишься. И всякий делает свое дело. Довольно этого с тебя!”.

Я совсем умирился. И часто потом приходили мне эти мысли, открывшиеся на горе у церкви» (Федченков 1943).

По мысли митрополита Вениамина, другого развития событий в России и не могло быть по причине подмены Духа Святого духом безбожного материализма: *«Особенным соблазном у человечества всегда было желание соединить небесное с земным, духовное с телесным. И этот соблазн сильнее был в высших кругах: богатство давало там возможность удовлетворять все положения, а они были по преимуществу плотские, духовное давно исслабело, изжилось. Есть немало оснований думать, что в этих высших кругах столицы и больших центров жизнь давно спустилась весьма низко... Литература Толстого, Тургенева, Достоевского, Гончарова говорила нам давно, что общество там становилось, по предпотопному выражению Библии, “плотью”. В ни-*

гилистических кругах интеллигенции возобладал другой, но в сущности подобный дух – безбожно-го материализма: жить только этой земной жизнью – вот ясная цель» (Федченков 1943).

По мнению владыки, духовное обнищание России и неспособность противостоять революционным движениям стали следствием не только и не столько активности большевиков в начале XX в. Митрополит Вениамин отмечает, что корни трагедии следует искать в XVIII в., который ознаменовался многими преобразованиями, осуществленными Петром I, в частности ключевой для русской истории церковной реформой: «Государство совсем не при большевиках стало безрелигиозным внутренне, а с того же Петра, секуляризация, отделение ее, – и юридическое, а тут еще более психологически жизненное – произошло более двухсот лет тому назад. И хотя цари не были безбожниками, а иные были даже и весьма религиозными, связь с духовенством у них была надорвана...

Господство государства над Церковью в психологии царских и высших кругов действительно было, к общему горю. А царь Павел даже провозгласил себя главою Церкви. Конечно, никто и никогда из верующих, начиная с митрополитов и кончая простым селяком, не только не признавал на деле, но даже и в уме не верил этому главенству, как веруют, например, католики, в своего папу. А мы в селах даже никогда не слыхали об этой дикой вещи; если же бы и услышали, то нам она показалась нелепой и пустой: мирянин, без рясы, хоть бы и сам царь, да какой же он глава Христовой Церкви?!» (Федченков 1943).

Причину дальнейших страданий русского народа и Русской Церкви весьма тонко передал владыка через опыт своих собственных духовных терзаний. Описывая бесчинства в Твери и кровавое убийство губернатора, он вспоминает: «А мы, духовные?.. Я думал: вот теперь пойти и тоже сказать: не убивайте! Может быть, бесполезно? А может быть, и нет? Но если и мне пришлось бы получить приклад, все же я исполнил бы свой нравственный долг... Увы, ни я, ни кто другой не сделали этого... И с той поры я всегда чувствовал, что мы, духовенство, оказались не на высоте своей... Несущественно было, к какой политической группировке относился человек. Спаситель похвалил и самарянина, милосердно перевязавшего израненного разбойниками иудея, врага по вере... Думаю, в этот момент мы, представители благостного Евангелия, экзамена не выдержали, ни старый протоиерей, ни молодые монахи... И потому должны были потом страдывать» (Федченков 1943).

На наш взгляд, квинтэссенцией размышлений митрополита Питирима о причинах революции является его солидарность с идеей Федора Михайловича Достоевского, высказанной в романе «Братья Карамазовы». Несмотря на то, что интеллигенция отступила от Бога и Церкви, основные решительные действия совершила не она, а большие массы простого русского народа: «А у Достоевского в “Братьях Карамазовых” есть такой разговор между Иваном и лакеем Смердяковым, сыном их общего отца Федора, убитого им, и Лизы Смердящей: “Ты, Иван, говоришь, что Бога нет? Ежели нет, так все можно!”

Вывод точный, неопровержимый: без Бога нет и греха. Ученый Иван понимал, конечно, это, но осуществить до конца не мог. А лакей Григорий Смердяков делом доказал это: Бога нет – и отца убить можно; и нечего тут мучиться, как если клопа раздавить...» (Федченков 1943).

Однако и спасение России, по мнению как митрополита Вениамина, так и Ф. М. Достоевского, следует искать в здравом смысле русского православного народа.

Анализируя социальные причины революции 1917 г. и в целом причины различных революционных потрясений, невозможно обойти стороной фундаментальный труд классика мировой социологии Питирима Александровича Сорокина «Социология революции».

Эта книга является не только глубоким научным исследованием, но и свидетельством революционного переворота в мировоззрении самого автора. Позднее, на склоне лет, в автобиографическом романе «Дальняя дорога» Питирим Сорокин так описывает этот переворот: «Революция 1917 года разбила вдребезги мои взгляды на мир, вместе с характерными для них позитивистской философией и социологией, утилитарной системой ценностей, концепцией исторического прогресса, как прогрессивных изменений, эволюции к лучшему обществу, культуре, человеку. Вместо развития просвещенной, нравственно благородной, эстетически утонченной и творческой гуманности война и революция разбудили в человеке зверя и вывели на арену истории, наряду с благородным мудрым и созидательным меньшинством, гигантское число иррациональных человекоподобных животных, слепо убивающих друг друга, разрушающих все великие ценности, ниспровер-

гающих бессмертные достижения человеческого гения и поклоняющихся вульгарности в ее худших формах» (Сорокин 1992: 76–102).

Ранний американский период в творчестве П. Сорокина характеризовался углубленными разработками основных положений теории социальной стратификации и социальной мобильности. В 1925 г. ученый издает вышеназванную книгу «Социология революции», к написанию которой приступил еще в 1922 г. Книга имела большой успех и была переведена на японский, чешский и немецкий языки.

Основным лейтмотивом указанного сочинения является исследование социальной природы революции как общественного явления, круто изменяющего ход развития той или иной страны. Обобщив опыт революций разных стран и эпох, П. Сорокин выделил несколько ключевых причин возникновения революционных ситуаций: голод, подавление импульсов собственности и свободы, подавление инстинкта самосохранения и других человеческих инстинктов. Катализатором, ускоряющим возникновение революционной ситуации, ученый считает дезорганизацию власти и социального контроля.

Одной из основных социальных причин революционных событий является голод. По мнению Сорокина, в истории России связь голода и волнений выступает не менее ясно. Метод «сопутствующих изменений» легко ее вскрывает.

Вот так, анализируя статистический материал, описывает Питирим Александрович события 1905 г. и последующие революционные события 1917 г.: *«Начиная с 1905 г. Россия вступила в полосу неурожая. Неурожай этого года был громадный. “Он охватил огромную площадь земель Европейской России, причем от него пострадали многие из важнейших по земледельческой культуре районы (Черноземный, Средневолжский, Заволжский), площадь полей в которых составляет 43% всех пахотных земель России”. Недобор хлебов по сравнению с пятилетием составил в Пензенской губернии 65,3%, Рязанской – 53,3%, Воронежской – 51,3%, Тульской – 49,5%, Саратовской – 48%, Тамбовской – 42%, Симбирской – 40% и т.д.*

Начались волнения, разгром помещичьих усадеб, хлебных запасов, разбор запасных хлебных магазинов, столкновения и убийства толпой земских начальников, помещиков и т.д. Это аграрное движение, вызванное голодом, совпало с общим возбуждением в городах, вызванным иными детерминаторами, в частности – войной.

Итог – революция 1905 г. Одна из главных скрытых ее причин – сокращение калорий, поступающих в организм крестьян и рабочих...

Наконец, фактор голода лежал и в основе революции 1917 г. Мы на себе испытали, как с 1916 г. наше питание (особенно в городах) резко пошло на убыль. К концу 1916 и началу 1917 г. города стали голодать.

Итогом явились сначала разрозненные разгромы рынков, лавок, магазинов, рост недовольства и агитации. В январе – феврале 1917 г. в городах (благодаря слабости власти и целому ряду благоприятных обстоятельств) разразился хлебный бунт, начавшийся с остановки и опрокидывания трамваев и перешедший в опрокидывание более солидных вещей, вроде престолов и правительств. Опрокинули монархию. Но голод усиливался. Параллельно “углублялась” и революция: в октябре опрокинули Временное правительство и стали “социализировать буржуев” (значение имущественной дифференциации)» (Сорокин 2004: 371–372).

Православного верующего не удивляет подобное положение дел, ведь Священное Писание имеет множество примеров, когда отступление народа от истинной веры влечет за собой экологические, природные, социальные и военные катаклизмы.

Выяснив связь между голодом и волнениями, П. А. Сорокин в своем труде переходит к анализу других «инстинктов», ущемляемых революцией. К ним относятся:

1) ущемление инстинкта собственности. Всякий раз, когда в обществе усиливается ущемление рефлекса собственности его членов вследствие обеднения одних при обогащении других, и когда число таких членов растет, пропорционально возрастают и шансы революции;

2) ущемление инстинкта индивидуального самосохранения, имеющего своей задачей выживание индивида, и ущемление рефлекса группового самосохранения, преследующего задачу выживания социальной группы: семьи, рода, народа, племени, государства, церкви, вообще – «группы ближних», «своего коллектива»;

3) ущемление других инстинктов, в частности полового (в качестве примера приводится римская революция, вспыхнувшая из-за того, что последний римский царь обесчестил одну из римских горожанок);

4) ущемление рефлекса свободы. Режим «несвободы» или «деспотизма» неизбежно минирует социальную почву и вызывает или необходимость исключительно сильно тормозящих средств «железа и крови», до поры до времени способных задержать этот взрыв, сломать «рефлексы свободы», или необходимость революции (Сорокин 2004: 375–382).

Поскольку научное мировоззрение П. А. Сорокина складывалось под сильным влиянием позитивизма, эволюционизма и различных органистических концепций, то неудивительна и его «инстинктивная» трактовка социальных причин революции 1917 г.

Таким образом, к основным конкретным социальным причинам Русской революции П. А. Сорокин относит:

1) Сильнейшее ущемление инстинктов индивидуального самосохранения у 15–16 миллионов мобилизованных солдат, производимое ужасающей войной, ее смертоносностью, холодом, голодом, окопами, лишениями и т.д.

2) Сильнейшее ущемление инстинктов группового самосохранения у 90% населения, вызванное неудачами войны, бездарностью власти и даже изменой ее агентов.

3) Сильнейшее ущемление инстинктов пищевых, вызванное расстройством народного хозяйства и ростом голода в городах, резко выявившимся в конце 1916 г.

4) Сильнейшее ущемление «инстинктов свободы» военными положениями, введением для всей России с 1914 г. военной цензуры, военными судами, произволом агентов власти и т.д.

5) Ущемление рефлексов собственности, вызванное обеднением обширных групп населения в ходе войны (рабочих, государственных чиновников, интеллигенции, части буржуазии и крестьян), с одной стороны, и обогащением небольшой кучки спекулянтов, нажившихся на войне, – с другой, ростом вмешательства власти в регулирование имущественных отношений – с третьей (государственный контроль промышленности, твердые цены на хлеб, как всегда отстававшие от рыночных, и т.д.).

6) «Ущемление» «половых рефлексов» населения распутством на верхах и «распутинством» (Сорокин 2004: 385–386).

Питирим Александрович Сорокин, несмотря на некоторый «биологический» подход к исследуемому феномену, очень точно передал саму суть революционных преобразований: *«Действительная природа революции существенно различается от романтических представлений ее апологетов. Многие типические черты революции могут показаться оскорбительными, уродующими “прекрасный лик революции”»*.

Читатель почерпнет из моей книги, что революция суть худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс. На словах обещается реализация величайших ценностей, на деле же ... достигаются совершенно иные результаты. Революции скорее не социализируют людей, а биологизируют; не увеличивают, а сокращают все базовые свободы; не улучшают, а скорее ухудшают экономическое и культурное положение рабочего класса» (Сорокин 1992: 270).

«Вместо революционных путей и экспериментов есть другие пути улучшения социальных условий и проведения смелых реформ. Эти пути сводятся к следующему канону (canons) социальной реконструкции».

1. Никакая реформа не должна насилловать человеческую природу и противоречить основным ее инстинктам. Русский коммунизм, как и большинство революционных опытов, пример обратного.

2. Любая реформа должна считаться с реальными условиями. Большинство революционных реформ представляют собой грубое нарушение этого условия.

3. Практическому осуществлению реформы должно предшествовать внимательное изучение положения дел и конкретных условий. Революции полностью игнорируют и это условие.

4. Реформационный опыт должен быть испробован сначала в малом масштабе и только тогда, когда в этом малом масштабе он даст положительные результаты, возможен переход к опытам в большом масштабе. Революции, конечно, игнорируют это условие.

5. Реформы должны проводиться только легальными и конституционными методами, элемент насилия должен в них отсутствовать или допустим в совершенно ничтожном размере. Революции — полное отрицание этого правила» (Сорокин 2004: 35).

Не оставил социолог без внимания и положение дел в Русской Православной церкви: «Всякому, знакомому с религиозной жизнью России до революции, известно, что православная церковь обладала очень многими дефектами. Синод был департаментом правительства, священники – в значительной мере чиновниками-бюрократами, приход – простой административной единицей, паства – массой, отданной в опеку духовных чиновников и бюрократически объединенной в приходы. Живой религиозной связи паствы друг с другом и с духовенством почти не было; живого духа было мало... Перед нами было “ведомство православного исповедания”, а не действительная православная церковь.

Грянул гром революции. После октябрьского переворота пришла сильнейшая атеистическая пропаганда, а вместе с ней – и отделение церкви от государства, и гонения на веру, церковь и духовенство... Не будь последних явлений, неизвестно, какое течение принял бы ход дел».

Выводы, к которым приходит Питирим Александрович после детального и скрупулезного изучения причин и последствий революций, прежде всего, лежат в духовной сфере и в традиции православия: «Изучая историю человеческого прогресса, я давно уже убедился в том, что главные и подлинные завоевания на этом пути были результатом подлинного знания, мира, солидарности, взаимопомощи и любви, а не ненависти, зверства и дикой борьбы – явлений, неизбежно связанных со всякой глубокой революцией. “Бог не в громе и буре, а в тихом ветре”, – так формулируется эта истина в Библии. Вот почему в ответ на призывы и славословия Революции мне хочется сказать словами Евангелия: “Отче мой! Да минует их чаши сия!”» (Сорокин 1992: 271).

Несмотря на различия в сфере деятельности и в подходах к определению духовных и социальных причин революции в России, рассмотрение работ митрополита Вениамина (Федченкова) и Питирима Александровича Сорокина позволило выделить наиболее значимые из них и общие для обоих авторов (см. табл. 1).

Таблица 1

Основные духовные и социальные причины революции 1917 г. в России

Причины революции 1917 г. в России		
№ п/п	Духовные	Социальные
1	«Безбожный материализм» – подмена в общественном сознании духовных ценностей материальными, Небесного – земным	Голод, обнищание народа
2	Ослабление авторитета Церкви	Ущемление прав собственности
3	Господство государства над Церковью	Несправедливость в распределении материальных и социальных благ
4	Бюрократизация Церкви, отсутствие «живой религиозной связи» между паствой и духовенством	Подавление народной воли к свободе и самосохранению
5	Неспособность, а порой и нежелание духовенства и православных мирян противостоять революционным движениям	Атмосфера насилия в обществе и армии

Анализ работ митрополита Вениамина и П. А. Сорокина показал, что зачастую причины духовного и социального порядка в Русской революции тесно взаимосвязаны. Социальные причины являются следствием причин духовных. Это подтверждает пастырский опыт и мудрость владыки Вениамина и глубокий социологический анализ Питирима Александровича.

Литература

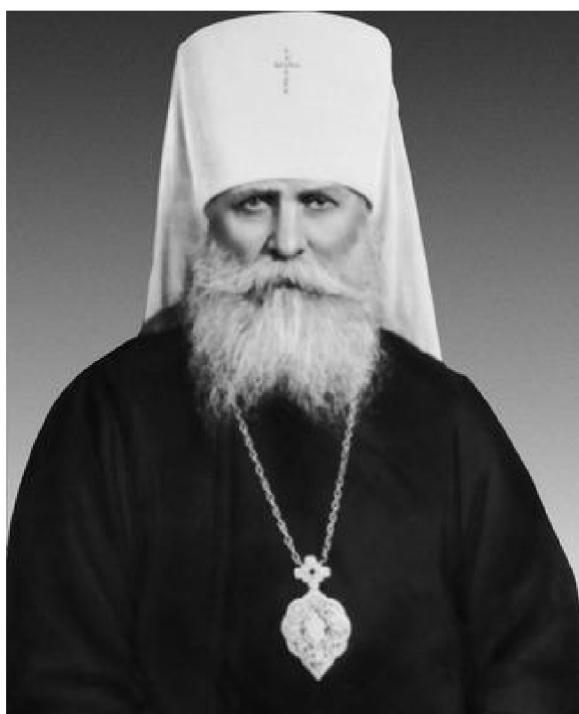
- Макарец В. М. 2016. Война за социальную справедливость, или мобилизационные основы социальной системы России. Москва: Алгоритм.
- Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух веков. 1943 // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Fedchenkov/na-rubezhe-dvukh-ehpokh/
- Сорокин П. А. 2004. Социология революции. Москва: РОССПЭН.
- Сорокин П. А. 1992. Человек. Цивилизация. Общество. Москва: Политиздат.
- Шукин Т. 2017. Революцию усугубляйте, но Бога не забывайте. Митрополит Вениамин Федченков и революция // Вода Живая. Официальное издание Санкт-Петербургской епархии Русской Православной церкви. № 2 (февраль).

**COMPARATIVE ANALYSIS OF SPIRITUAL AND SOCIAL CAUSES
OF THE REVOLUTION 1917 IN RUSSIA
(THE WORKS OF METROPOLITAN BENJAMIN (FEDCHENKOV) AND P. A. SOROKIN)**

Abstract. The article is devoted to the sociological understanding of spiritual and social causes of the revolution of 1917 in Russia in the light of the analysis of the works of contemporaries and participants of the tragic events: one of the most prominent Russian hierarchs, Metropolitan Benjamin (Fedchenkov) and the Russian sociologist P. A. Sorokin. The author comes to the conclusion that the causes of the revolution of spiritual and social order are closely interrelated with each other, and social causes, in turn, are the result of spiritual causes.

Key words: revolution of 1917; the spiritual causes of the revolution; the social causes of the revolution; Metropolitan Veniamin (Fedchenkov); P. A. Sorokin.

About the author: Baranovskiy Maxim Vitalyevich, candidate of sociological Sciences, Military University; senior researcher, Research center (sociological) of the Armed Forces of the Russian Federation.

**Митрополит Вениамин (Федченков)
(1880–1961)**

**Питирим Александрович Сорокин
(1889–1968)**